

18+

ДМИТРИЙ МАЗУНИН

**ГДЕ ТЫ,  
СОЛНЫШКО, ГДЕ?**

Дмитрий Мазунин

**Где ты, солнышко, где?**

«Издательские решения»

**Мазунин Д.**

Где ты, солнышко, где? / Д. Мазунин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552255-9

Родителей не выбирают и каждый ребёнок нуждается в любви и заботе. Участие в воспитании и в становлении личности ребёнка прямая обязанность родителей, но нередко, когда люди забывают об этом, ребёнок предоставлен самому себе. Повесть рассказывает о мальчике, который не смотря ни на что старается жить без злобы и совершать добрые поступки. В конце концов сделать правильный выбор для себя.

ISBN 978-5-00-552255-9

© Мазунин Д.  
© Издательские решения

# Содержание

Часть 1	6
Часть 2	9
Часть 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

# **Где ты, солнышко, где?**

## **Дмитрий Мазунин**

© Дмитрий Мазунин, 2021

ISBN 978-5-0055-2255-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть 1

Стояла унылая осенняя погода. Нудный, морозящий дождь непроницаемой стеной опутывал дома и деревья, редкий прохожий, кутаясь в насквозь пропитавшуюся влагой одежду, торопливыми шагами исчезает в сгущающихся сумерках. Темные, густые, как выхлопные газы машин, облака застилали небо. В такое ненастье быстрее хочется добраться до дома, выпить чашку горячего чая или кофе, чтобы согреть свои окоченевшие руки. Но, увы, отопительный сезон еще не начался, батареи холодны, как лед и со временем в квартире замерзаешь еще больше, чем на улице. День, два, три, неделя... и кажется, что природа испытывает наше терпение, и этот дождь не закончится никогда. Где ты солнце, где?... Но однажды утром вдруг выглянешь в окно, и вот... тучи разлетаются в разные стороны, небо прямо на глазах светлеет, и, наконец, блеснет лучик долгожданного солнышка, который мгновенно поднимает настроение, наполняет жизнь теплом, светом и радостью.

Так вот и живут люди в небольших, провинциальных городках, которых по России разбросано великое множество. Жизнь там протекает тихо и размеренно, а если что-то и случается из ряда вон выходящее, то об этом говорят минимум полгода. Отсутствие музеев, театров, спортивных комплексов – заставляет людей устраивать свой досуг, как кому заблагорассудится. Мало кто находит для себя какое-нибудь занятие, которому посвящает все свободное от работы время. Люди собираются компаниями: выпивают, танцуют, беседуют о бытовых мелочах, делятся планами о будущем. Обсуждают кто, как, где, у кого что, кто и с кем, а молодость проходит. Вырастают горы проблем, личных забот, или просто хочется тишины и покоя. И круг общения становится все меньше и меньше, в конечном итоге остаются, в лучшем случае, два – три человека, с которыми иногда хочется провести время. У каждого свои приоритеты. Одни находят смысл жизни в воспитании детей: дать им хорошее образование, хорошую работу, предоставить возможность вырваться из этого города; другие находят счастье, обставляя дом мебелью, покупая дорогие машины, зарабатывая деньги и используя связи; кто-то замыкается в своей семье, с работы домой: телевизор, тапочки, жена на кухне, про таких говорят: «Он не пьет и она у него молодец», – вот этим все и сказано.

Супруги Доходянины, прожив вместе несколько лет, все реже стали посещать прежних друзей. Зачем куда – то идти, если можно выпить вдвоем? Потом они стали пить вдвоем из нежелания с кем – то делиться. Дальше – больше, каждый стал напиваться по отдельности, а по приходу домой разыгрывался семейный скандал. В конце концов, это им обоим надоело. Жизнь скучна, решили они, пора обзавестись ребенком.

Во время беременности Агрипины Авдотьевны все наладилось. Николай приносил домой трехлитровые банки с соком и даже курить выходил на площадку. По первому требованию супруги он несся по магазинам в поисках исполнения прихоти своей избранницы. И вот он первенец! С гордо поднятой головой счастливый отец шагал по улице, бережно держа малыша. Синяя ленточка с огромным бантом перетягивала одеяло. При встрече со знакомыми Доходянин широко улыбался, излучая счастье, и, подняв указательный палец вверх, многозначительно говорил: «Мужик!», подмигивая супруге. В этот момент щеки Агрипины Авдотьевны покрывал легкий румянец.

Первое время все шло, как и должно быть. Николай Евграфович бежал домой, чтобы разделить заботу о ребенке, он помогал жене стирать, готовить и мыть посуду, но постепенно пеленки, детский плач, бессонные ночи, раздражительная манера разговора супруги стали надоедать ему. Да еще мужики в гараже после очередного рабочего дня, раскладывая нехитрую закуску, говорили: «Никола, давай с нами, твое дело сделано, а остальное – бабья доля». «Не могу, ребята, извините. В другой раз, спешу», – и не чувствуя земли под ногами, мчался он домой. Прошли месяцы. Агрипина с любовью наблюдала, как Николай играл с маленьким: то

прыгал с погремушкой около кровати, то учил ходить, ползая вокруг него на коленях и приговаривая:

– Давай, Серый! Молоток! Вот так! Это мужик – он должен крепко на ногах стоять!

Он брал Сережу на руки и рассказывал сказки, вызывая улыбку на розовом детском личике, а может это не сказки были. А с какой любовью укладывал его спать, поглаживая по головке своей огромной мозолистой рукой и напевая себе под нос одному ему известную песенку. Но, к сожалению, жизнь – есть жизнь, и, если тишина и покой продолжаются долго, значит в недалеком будущем грянет гром.

Была пятница и, совершив свой последний рейс, Николай Евграфович Доходянин возвращался в гараж. Вдруг машину занесло в сторону. Водитель остановился. Пронизывающий осенний ветер бросал в стекло струи морозящего дождя. Доходянин неторопливо вышел из машины, утопая по щиколотку в жидкой грязи. Осмотрев машину, он увидел спущенное колесо и, крепко выругавшись, принялся за работу. В гараж он заехал поздно и, выходя из машины, услышал голоса уже изрядно выпивших товарищей. Николай хотел незаметно уйти, чтобы не придумывать отговорок, к тому же он смертельно устал, замерз и вымок, пока чинил машину. Но ворота бокса уже закрыл сторож. Не убежать же в самом деле как мальчишке, и Николай с уверенностью пошел к выходу. Но тут он явственно представил себе, как берет наполовину наполненный стакан с холодной водочкой, выпивает его, закусывает, и тепло разливается по всему телу, Николай как будто даже ощутил привкус водки на языке. Зная, к чему это может привести, он ускорил шаг.

– Эй! Что-то припоздился, Николай! – остановил его окрик Виктора.

– Колесо спустило, будь оно не ладно!

– Замерз? Давай к нам, прими сто пятьдесят на грудь, а то заболеешь! В такую погоду дело нехитрое, кажись, промок весь?

Бессонная ночь, семейная сцена утром, спущенное колесо и стоящий на столе стакан, наполненный как назло наполовину, заботливо поднесенный бутерброд с салом на черном хлебе сделали свое дело. Недолго поколебавшись и тяжело вздохнув, рубанув воздух рукой, он сдался:

– А, давай!

Николай с наслаждением маленькими глотками выпил все до дна и, занюхав бутербродом, положил его на стол.

– Молоток! Старая школа!

– Учись, Петька, как надо, – обращаясь к молодому практиканту, сказал Виктор, – даже не поморщился!

– Я тоже так научусь, – обводя всех мутным взглядом, чуть приподняв свесившуюся над столом голову, невнятно пролепетал Петька.

– Чему мальчика учишь, нехристь? – назидательно сказал дядя Миша.

Спиртное потекло по жилам, стало тепло. Он расслабился, откинулся на спинку лавки и с наслаждением закурил беломорину.

– Ну, что полегчало? То-то же! Еще?

– Нет, нет, нет! Пойду.

Иван обнял его за плечо и, дыша перегаром в лицо, пропел:

– Эх, Коля, Коля, Николай! Сиди дома не гуляй. А то девочки придут, поцелуют и уйдут.

– При чем тут девочки?

– Давай, давай, давай! Бог, он троицу любит. И вообще, имеешь полное право после трудового дня. Ты уже год как не пьешь, поэтому ничего страшного, – заплетающимся языком изрек он и икнул.

Выпив во второй раз, Доходянин захмелел, а точнее стал пьяным, и уже сам кричал, ударяя кулаком по столу.

– Имею право! Никто не смеет мне указывать! В конце концов, кто в доме хозяин?

– Ну и правильно! Бабу распустишь... Их надо вот как – Витька сжал кулак и потряс им над столом.

Как закончился вечер, Николай помнил смутно. Утро следующего дня ознаменовалось похмельем. Сидя на кровати, он пытался вспомнить, что произошло вечером, но не мог, и только какая – то тревога, неосознанное чувство вины беспокоило его душу. Он встал и прошел в комнату. Детская кроватка, почему – то, стояла там, малыш мирно посапывал. Пройдя на кухню, он увидел Агрипину. Большой сине-лиловый синяк заполнял половину ее лица. Не веря своим глазам, он спросил:

– Это что, я сделал? Я?

Крупные слезы потекли из ее глаз и, стекая по щекам, падали прямо в недоеденный суп. Она несколько секунд безразлично смотрела в тарелку и вдруг беззвучно зарыдала, резким движением отодвинув тарелку в сторону. «Суп пролила», – совсем не к месту подумал Николай.

– Извини, так получилось. Знаешь... все как – то навалилось одно к одному, – он попытался ее обнять.

– Уйди! Уйди... так все хорошо... наладилось вроде все. Думала жизнь начинается, – она не кричала, а всхлипывала, переходя на шепот.

Переминаясь с ноги на ногу, он снова потянул к ней свою руку.

– Уйди! Прошу тебя, – закричала она срывающимся голосом и, дрожа всем телом, с силой ударила кулаком по столу.

И Николай ушел, ушел не в буквальном смысле этого слова, а ушел в себя, замкнулся. С работы стал приходиться навеселе. Жена молчала, и он молчал. Все чаще Николай замечал, что супруга в легком подпитии, что в некотором смысле развязывало ему руки, хотя он отчетливо осознавал, что ни к чему хорошему это не приведет.

Однажды, в воскресное утро, на трезвую голову Доходянин попытался заговорить с ней, как бы издалека.

– Слышь, Агрипина? Ну, ты, это, того, брось уже дуться – то. У нас ведь сын растет. Чего в жизни не бывает. Серега вырастет... Он ведь... сначала, может, начнем?

– А, об сыне вспомнил! С тобой начать? Да ни одна баба с тобой ничего начинать не захочет.

При этих словах она повернулась к нему и презрительно захохотала.

– На себя в зеркало давно смотрел? Ты же пьянь несчастная.

– Значит так... Ладно.

С тех пор бутылка стала неизменной спутницей его жизни.

## Часть 2

Шли годы... Из молодой супружеской пары, Доходянины превратились в обыкновенных алкоголиков. Немногие узнавали их на улице, а если и узнавали, то делали вид, что не замечают, проходя мимо. Поначалу они окрикивали знакомых и по простоте русской души, пытались расспросить о делах и детишках, но после одной встречи со своим одноклассником, поняли, какая пропасть их разделяет. Люди просто их стеснялись и не хотели узнавать. В этот вечер Агрипина встречала мужа с работы около конторы. Был день получки, и надежды, что Николай принесет честно заработанные домой, у нее не было никакой, да и такие встречи происходили регулярно, каждый месяц 20 числа и уже стали для них привычными. Сначала он стыдился присутствия своей жены:

– Ходишь! Позоришь меня! Мужики смеются! – кричал он, размахивая руками.

– Подкаблучником! Тряпкой... меня сделать хочешь? Ну, давай! Давай! Ты не меня позоришь, а себя! Поняла? Себя...

В то время он еще работал в автоколонне у дорожников, напивался только в пятницу, но треть получки оставлял себе на красненькую. Когда же он стал позволять себе пригубить и в будние дни, а пару раз вообще не вышел на работу, его просто уволили, благо, что в то время работы было еще, хоть отбавляй, и он устроился сторожем на стройку, а кто его там ночью нюхать будет? Запой продолжались неделями на пару с Агрипиной, а ее желание присутствовать при получении денег, его больше не волновало, просто-напросто ему стало наплевать на мнение окружающих и на свою мужскую гордость, да и она уже практически отсутствовала.

В тот день они прикупили кое-каких продуктов и естественно пару бутылочек красненького для аппетита. Не забыли и про Сережу, взяли 100 грамм леденцов.

– Пусть подсластится, малец, – сунув свернутый кулек с конфетами в карман, и глядя на продавщицу, сказал Николай. Был шестой час вечера, в магазине полно народу. Они с Агрипиной продвигались к выходу. Она несла авоську с продуктами, сквозь ее крупные клетки торчал хвост свежемороженого минтая, завернутого в бумагу, рядом булка хлеба, пачка сахара, рожки, вообще, все в куче. Николай нес одну бутылку в правой руке, а другая торчала из кармана его брюк.

– Смотри, Вовка! Точно он. Вовка Шлепанцев, – показывая пальцем в сторону мужчины в костюме и галстук, – обращаясь к жене, почти прокричал Николай.

Когда-то они были друзьями, вместе занимались спортом, сдавали на КМС, но дороги их разошлись. Володя уехал поступать в институт и, судя по внешнему виду, закончил его.

– Вован, привет! – распахивая объятия и радостно улыбаясь, закричал Николай, подходя к знакомому. Мужчина остановился и уверенным голосом спросил:

– Вы собственно, что хотели?

– Ты меня не узнаешь? – с надеждой в голосе спросил Доходянин.

– Что-то не припомню, – с гримасой отвращения на лице ответил тот.

– Это же, я, Доходянин! Ну, давай, напряги память!

– А, Доходянин Николай, кажется, если не ошибаюсь. Я вас слушаю.

– Ты, чего, начальник, что ты? – он хлопнул Шлепанцева по плечу, чем в очередной раз вызвал брезгливую гримасу на лице бывшего однокашника. Николай растерялся, не зная что сказать. Мужчина равнодушно посмотрел на него, потом на Агрипину.

– У Вас еще, есть ко мне какие-то вопросы? Или это все?

– Все – растерянно пробормотал Доходянин.

– Тогда, до свидания, извините, я спешу.

Он прошел прямо между ними, покачивая портфелем из крокодиловой кожи.

– Может не он? Да точно не он! Вовка так бы не сделал! Вовка он друг! Он настоящий! – разговаривая больше сам с собою, чем с Агрипиной, сказал Николай.

– Обознался я. Сколько лет прошло, немудрено.

– Да заткнись ты уже! Узнал он тебя. Узнал! Стыдно ему перед людьми стало, вот и все. Кто он и кто ты? Усек! Не хочет он тебя знать! Не хочет! Не дай бог, еще чего-нибудь попросишь. – Агрипина, сказав это, замолчала.

– Совпадение, просто совпадение – ответил он шепотом. Он не хотел верить сказанному Агрипиной.

Уже дома, допивая последнюю бутылку, он со всей силы грохнул стаканом об стол и со злостью сказал:

– Сволочь! только одно слово- сволочь!

Время идет, а оно, как известно привлекательности не добавляет, особенно при таком образе жизни. Авдотьевна превратилась в маленькую толстую женщину с постоянно слипшимися грязными волосами. Толстые коротенькие, как сосиски, пальцы рук, постоянно покоились на ее животе, сливаясь с засаленным пятном давно не стиранного халата.

Николай Евграфович, когда-то спортивного телосложения, стал худым, как жердь. Шапка седых, беспорядочно торчащих во все стороны, волос обрамляла большой выделяющийся нос с бородавкой на конце, на его худом сером лице с красными налитыми кровью глазами, когда он улыбался, широкий рот обнажал десна с гнилыми желтыми остатками зубов. Они были похожи на Дон Кихота с Санчо Пансой, но тех сближали благородные помыслы, этих же бутылка, общее хозяйство и сын Сережка, который был предоставлен самому себе. Иногда недостаток в деньгах приводил их в состояние трезвости. Они наводили порядок в квартире, заводили стирку. Маленький Сережа даже на улицу гулять не ходил, радуясь домашним хлопотам, и принимался им помогать. Вечером Николай садился на табурет в кухне, у открытой форточке, закуривал, подзывал к себе мальчика и, глядя по голове рукой, похожей на грабли, заводил один и тот же разговор:

– Эх, Серый... Серый. Завяжу с зеленым змием, заживем! – при этом он тяжело вздыхал и во взгляде прослеживалось неверие в то, что сам и говорил. А на следующий день все вставало на круги своя. Как и другие родители, они по-своему тоже любили своего сына и заботились о нем, как могли. Агрипина Авдотьевна занимала должность технички в столовой, работенка не весть какая, но голодными они никогда не были.

Иногда она срывала зло на мальчишке, награждая его подзатыльником, считая его причиной своих несчастий в жизни:

– Если бы не ты! Не хотела дитя без отца родного растить.... Вот и терплю!

– А ты, неблагодарный...

Мужа своего она ненавидела всей душой и называла не иначе как «старый козел». Доходняк же иногда за это прикладывал к своей благоверной кулак, но в большинстве случаев не обращал на нее никакого внимания.

Сергей подрастал, и вот пришло время, идти в школу. За неделю до 1 сентября, отец пришел с работы трезвый и принес большой сверток.

– Серый! – крикнул он с порога, – пойдика сюда, сынок! На-ка примерь! – и, пройдя в комнату выложил на кровать: школьный костюм, рубашку и ботинки. Мальчик обрадовался и с любовью, нет, скорее с чувством благодарности, посмотрел на отца.

– Мать! Иди сюда! – крикнул он в кухню, – посмотри какой красавец! Дон Жуан, да и только.

Сережа рассматривал себя в большое зеркало трюмо. Ему казалось, что нет ничего красивей школьной формы, хоть она была и не глаженная, зато новая, с этикеткой, приятно пахнущая. Родители давно ему ничего не покупали.

– Лохмы отрастил, балбес! – сказала Агрипина, посмотрев на сына.

- Брюки длинноваты? – обращаясь к Николаю, критически заметила она.
  - Ничего подрастет... Дети они знаешь! Не заметишь, как женится.
  - Где деньги взял?
  - Шабашнул. Аврал на работе, дом сдаем.
  - Можно было костюм и не покупать. Машка отдавала за так. Пашке-то своему новый купила.
  - Ничего. Пусть. Человек первый раз в школу идет. А, ты погладь все и на плечики повесь. Завтра ранец принесу.
  - Что скажешь, сынок? – Николай присел на корточки, взяв его за плечи и в ожидании ответа, посмотрел в глаза.
  - Спасибо, папа! – неуклюже поцеловав его в щеку, ответил Сережа.
- Николай сконфузился, дрожащей рукой смахнул, наворачнувшись на глаза слезы, и достав папиросы, прикуривая вышел в кухню.

## Часть 3

Первое сентября! Это особый день в жизни каждого ребенка. Конечно, каждый волнуется и переживает, но больше самих детишек переживают в этот день родители. Неизменная белая рубашка и букет цветов – атрибуты этого праздника. Доходянины тоже радовались, но по своему.

– Серый, за тебя – поднимая очередной стакан с вином, радостно провозгласил отец и, чокнулся с супругой.

– Учись хорошо, сынок! – вытирая тыльной стороной ладони губы, напутственно произнесла Агрипина Авдотьевна.

Сергей уже привык смотреть на картину бурных излиятий своих родителей и спокойно воспринимал их пожелания. «Хоть не дерутся, – думал он, – и то хорошо».

– Сбегай-ка, одень форму еще раз! Посмотрим! – попросила мать.

Мальчик с радостью исполнил пожелание. Форма была чуть-чуть большеватая, но хорошо отутюженная, смотрелась совсем неплохо. Сергей стоял на табурете поворачивался из стороны в сторону, демонстрируя свой новый ранец, который издавал бренчащие звуки, заполненный карандашами и ручками, пеналом. Вдруг в дверь постучали:

– Кто там? – не вставая со стула, крикнула Агрипина: – Входите открыто! Дверь со скрипом отворилась, и из коридора прихожей появился огромный букет фиолетовых астр, украшенных туйкой, а из-за него выглядывало улыбающееся лицо соседки бабы Вали.

Николай ловким движением руки схватил со стола недопитую бутылку и хотел спрятать под стол, но, увидев соседку, водрузил бутылку обратно, вспомнив, что она не пьет.

– Вот, цветы принесла! Подумала, нежеже парню без цветов-то.

– Спасибочки! Проходите, садитесь! Угощайтесь, чем бог послал, – указывая рукой на свой стул, приветливо пригласила Агрипина.

Сергей соскочил с табурета и принял из рук соседки трехлитровую банку с водой, в которой находился букет, заботливо перетянутый черной ниткой у основания, и поставил его на подоконник.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.